

ИЗ ЖИЗНИ «ЗВЕЗД»

Энтони Куин:

Кинотур. — 1993. — 7 авг. — С. 11

МНЕ ГРЕЗЯТСЯ ОГРОМНЫЕ ПУСТЫНИ

Здравствуйте, господин Гоген... В экранизации известного романа Ирвина Стоуна «Жажда жизни» Энтони Куин сыграл одного из своих любимых художников — Поля Гогена. Когда картина появилась на наших экранах, мы уже знали его по фильмам «Дорога», «Грек Зорба» — великолепного зрелого Куина, мужественного, грубоватого, обладающего необыкновенной притягательной силой. Но, оказывается, прямолинейность и прямодушность этого художника имеют оборотные стороны... Энтони Куин переживает период мучительных сомнений в себе.



— Скульптор, художник, писатель, актер... чему вы сегодня отдаете предпочтение?

— Я ищю себя. Долгое время мне необходимо было повсюду оставлять свои следы, везде кричать: «Эй, да это же я!», поскольку я боялся остаться незамеченным. Сегодня уже не знаю, что делать.

— Вы обмолвились, что занятия скульптурой предпочтаете занятиям живописью...

— Рисую ради удовольствия. А в скульптуре особенно люблю прямой контакт с материалом. Кино — совсем другое. Кино — наркотик. Когда не снимаюсь, мне чего-то недостает. Необходима моя доза! После каждого фильма говорю себе: еще один, только один, последний...

— 325 фильмов, два «Оскара»... Не чувствуете ли вы, что сказали все, что хотели?

— Сейчас много разговоров о проблемах молодежи, и сов-

сем забыты проблемы стариков. Недавно я ездил в Аризону навестить бывшую жену, которой 82 года. Сейчас она страдает болезнью Альцгеймера. Я был потрясен, увидев ее в таком состоянии. Решил, что нет ничего дороже человеческого духа, вечно бодрствующего. Позвольте вашей мысли погрузиться в полудрему, и однажды она заснет окончательно.

— Как Пикассо или Ван-Гог, вы в вечной борьбе с разрушительными силами?

— Я не смешиваю одно с другим. Однажды друг мне сказал: «Мексиканский художник рисует не кистью, а автоматом!» Нет ничего, кроме форм, которые нужно разрушить, чтобы создать новое из обломков. Находить новое в старом и знать, что спустя двадцать лет и это будет разрушено.

— Вы восхищаетесь Толстым.

Он оставил подлинные шедевры и, тем не менее, в конце жизни перечеркнул все, что написал. А вы довольны тем, что делаете!

— Этот вопрос я задаю себе каждый день. Каждый раз, когда выхожу на сцену. Каждый раз, когда начинаю сниматься в новом фильме, лепить новую статую, рисовать новую картину.

— Вы не боитесь безумия!

— Не знаю. Я рисую изо дня в день. Испытываю чувства человека, стоящего в середине потока. Не знаю, куда поставить ногу, где ямы, где глубоко, где бег течения.

— Впервые я вижу вас как бы сомневающимся в самом себе. А ведь я не впервые беру у вас интервью и помню времена, когда ваше «эго» выражало себя очень мощно.

— Меня успокаивала мысль, что в этом мире все в конце концов устойчиво и определено, все белое или черное. Но ведь это не так. И сегодня я снова весь в проблемах. Если когда-то я и был тверже железа, то очень изменился. Мне перестал нравиться вечный порядок. Хочу нащупать правду мгновения. Я полон жизненной силы. Не знаю, каким образом, но моя жизнь должна измениться. Миллион долларов в банке, известное имя, номер в бокс-офисе — иллюзия удовлетворения. Настоящая победа — это состояться внутренне, ничего не бояться.

— Вы говорили, что мужчина неполон, если он не видит своего отражения в глазах женщины. Что сегодня в вас отражают женские глаза?

— Я могу судить только по своей жене. У Иоланды очень старомодная система ценностей, я ее уважаю, но эта система не выдерживает бомбардировки новой моралью. Мы женаты уже тридцать лет. Стареем, делаем вид, что ничего не изменилось. Лжем друг другу, как все пары. По мере пройденного пути мы стали одним целым, связаны неразрывно, но оба никак не хотим себе в этом признаться.

— Прожить вместе тридцать лет — это не шутки...

— Да. Привычка. Когда женщина заботится о вас, то кажется, что это и есть счастье. Это неверно. Это подрезает вам крылья. Художнику нужно больше.

— Правда ли, что она запрещает вам работать с натурщицами?

— Когда она впервые увидела у меня девчонку, сказала: «Позировать тебе буду я!» Мне нужны туловища, головы, шеюлыры. Пикассо, Гоген, Матисс — все лепили натурщиц. А она не хотела ничего слышать. И однажды действительно согласилась позировать. «Иоланда» имела большой успех, это была ее победа.

— Как же вам удалось подавить в себе всплеск гневной энергии?

— По слабости. Из желания сохранить мир. Надо было стукнуть кулаком по столу. Но все осталось по-прежнему. Из-за детей? Это отговорка. Жизнь, состоящая из компромиссов, не приносит счастья.

— Не кажется ли вам, что когда впереди красный свет, инстинктивно начинаешь лучше управлять собой, переставая задавать самому себе лишние вопросы?

— А я живу при желтом свете. И не знаю, в какой он перейдет — в красный или зеленый. Мне не хочется жить ни в Италии, ни в Голливуде. Мне грезятся огромные пустыни, пустыни без шлагбаумов, я мог бы пройти их пешком или проехать на велосипеде — сотни километров! Но Иоланда тут же найдет тысячу причин, чтобы помешать. А если я решусь, не знаю, последует ли она за мной. В один прекрасный день начинаешь действовать просто потому, что нет другого выхода. А надо бы найти смелость, преодолеть затрудненное дыхание!

Материал подготовил,
Д. САВОСИН.

● Энтони Куин в своей квартире в Нью-Йорке среди собственных работ.

Фото из журнала
«Пари-матч».